

The background of the cover is a photograph showing the silhouette of a person walking on a path in a park. The person is walking away from the camera, and their shadow is cast on the path. The trees in the background are out of focus, and the lighting is warm, suggesting a sunset or sunrise.

Артем Ляхович

Дьірка

ФАНТАСМАГОРИЯ

Время – юность!

Артем Ляхович

Дырка. Фантасмагория

«ВЕБКНИГА»

2017

Ляхович А. В.

Дырка. Фантасмагория / А. В. Ляхович — «ВЕБКНИГА»,
2017 — (Время – юность!)

ISBN 978-5-96-912147-8

Алиса и Лео живут во враждующих странах. В тот день, когда началась великая война Бобра с Ослом, завязалась и их переписка или, точнее сказать, вражда. Со временем она перешла в обычное общение, а затем и в дружбу. Им нелегко понять друг друга: каждый из них привык верить, что источник всех бед – соседний народ. И только небывалая Дырка, куда они попадают вопреки законам физики, помогает понять главное: люди видят то, что хотят видеть... Мистика и повседневность, сатира и философия, древние фолианты и современные гаджеты, узнаваемые реалии «злобы дня», Леонардо да Винчи и его таинственный код причудливо сплелись в фантасмагории Артема Ляховича «Дырка», вышедшей в 2017 году в финал Всероссийского конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру».

ISBN 978-5-96-912147-8

© Ляхович А. В., 2017

© ВЕБКНИГА, 2017

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Артём Ляхович

Дырка

Художественное электронное издание

Художественное оформление *Алексей Иванов*

© Ляхович А. В., 2021

© «Время», 2021

* * *

Арте́м Ляхо́вич

Дырка

ФАНТАСМАГОРИЯ

*– На кого похож Леонардо да Винчи? – спросила учительница,
желая услышать «на Бога».*

– На кота! – крикнула девочка.

– На собаку! – поправила ее другая. – На ризенинауцера!

Из школьных будней

Глава 1

Здесь

Впервые о Дырке он услышал в детстве, когда остался ночевать у дяди Лекса.

Лёник тогда мелкий был, восемь лет, и не очень понимал, почему у дяди Лекса, а не дома, с мамой-папой, как всегда.

– Так безопасней, – говорил папа.

– Почему?

– Почему-почему...

На него смотрели, как на дурачка, и объясняли, как дурачку, – медленно и детскими словами: «Злые дяди... сделать плохо...» Лёник дурачком не был и поэтому, наверное, ничего не понимал.

– А вы со мной тоже там будете?

– У дяди Лекса кроватей не хватит, – отвечала мама.

– У дяди Лекса полно кроватей, – возражал Лёник, хоть и знал, что зря. Они с родителями говорили на разных языках, в которых были почему-то одинаковые слова.

Вообще-то он был не против ночевать у дяди Лекса: там красиво, как в аэропорту, и мечи висят, самурайские и всякие, и тигр еще есть. Чучело то есть. Лёник его Жориком прозвал, а почему – и сам не знал. Наверное, потому, что тигры рычат, а Жорик очень рыкучее имя.

Вот под этим Жориком он и услышал о Дырке. Ему постелили на диване, и Жорик скалился на него сверху и мог запросто перегрызть Лёнику горло, хоть он и чучело, и Лёник сто раз повторил себе: «Жорик – чучело, Жорик – чучело...» И вообще – это же не Шерхан какой-нибудь. Это добрый тигр. Добрый тигр...

И Лёник прыгал с ним по джунглям, тыкался в тигриную шерсть дыбом и спрашивал то ли мысленно, то ли вслух: «Ты же добрый тигр?» – и все никак не мог этого понять, хоть Жорик-хан вроде бы и не делал Лёнику плохо...

Потом он выпрыгнул из джунглей обратно. В этом «обратно» не было ничего, кроме темноты и голосов за стеной.

– ...Никто с ним церемониться не будет. О Дырке забыл?

– Тихо! Охренел – вслух о таком?

– А кто слышит?

– Аввы Дворского сын дрыхнет в соседней комнате...

– Та ну...

Голоса стихали, а потом снова возобновлялись, как радио с помехами. Они были и знакомыми, и незнакомыми – каждый был похож на дяди-Лексин, и Лёнику казалось, что много дядей Лексов говорят сами с собой. Поэтому он и думал потом, что ему все приснилось.

– ...Коту под хвост! Что останется, а? Вот скажи мне, что останется? А? Одна Дырка?

– Ну что ты за человек-то? Пасть свою перекрести...

Вначале Лёник решил, что он успел набедокурить и где-то в чужом доме сделал дырку. Или что они нашли эту дырку и подумали на него. Но потом понял, что он тут вообще ни при чем. Сон куда-то делся, и Лёник слушал, ничего не понимая и не желая понимать.

– ...Не докопаются. Это тебе не Дырка.

– Тихо ты! А если они сами?

– Та ладно!

Потом все исчезло, и дальше уже было утро – в большой и чужой, как аэропорт, дяди-Лексиной комнате. И Жорик скалился на месте.

И мечи висели, где им надо.

И мамы с папой не было.

Папы не было и после. Его забрали в какое-то предварительное, пока Лёник скакал на Жорик-хане и слушал про Дырку.

А мама была заплаканная, как рева-корова. Она нервно гладила Лёника, и это было неприятно – будто ее руки били током. Лёник дергался и хотел удрать, а она все равно держала его и гладила.

Точно так же она гладила его и потом, когда папа умер в этом предварительном.

И Лёник точно так же дергался, но уже не пытался удрать.

* * *

С тех пор утекло много воды. Так много, что Леонард иногда задумывался, можно ли того мелкого Лёника считать собой. Ему казалось, что в память каким-то макаром проникли воспоминания совсем другого существа – с другими мозгами, чувствами и другим всем.

Настоящий Леонард начался, когда Лёнику было лет пятнадцать-шестнадцать. Так чувствовал настоящий Леонард, или Лео, как его чаще звали. Он тогда стал слушать ту музыку, интересоваться теми вещами и вообще вариться во всем том, что ощущал как свое я. «Я – это...» – и дальше можно было подставить любую часть нового мира Лео: группы Kawai Hunts, SuperБожичи, «Радосмак», сагу о Бобромире и волнующую высоту Боброго Дела, совершенно новую, взрослую и серьезную, не похожую ни на что прежнее.

Лео не фанател, как некоторые, – не носил бобриный хвост, не забивался родовыми татухами, не пел, выпучив глаза: «Мы вам еще покажем». Такие вещи не стоит петь где попало, считал он. И вообще, быть бобронавтом несерьезно. Это как к новому и взрослому подходить по-старому, по-малышовому. Будущее Боброго Рода – не показуха и не шутки; и уж тем более не шутки – мировая опасность. У Лео даже холодело где-то внутри, когда он думал обо всем этом.

К Великому Бобру он старался относиться без бабского обожания и даже иногда поругивал его за вялость. (Все-таки Лео был уже пацан будь здоров, и у него были свои мозги, а не только повторялка, как у многих.) Но то, что шевелилось и щемило в нем, когда он соприкасался с родным, бобриным, было ново и пронзительно высоко, иногда даже слезы подступали.

Лео знал, что это лучшая его часть, самая взрослая и благородная; она же оживала в фильмах, когда кто-то умирал, или целовался, или встречался после разлуки, или прощался навсегда. Это была очень внутренняя, интимная часть, и о ней, наверное, не знал никто, кроме хозяина. И жаль, потому что другие части нравились ему гораздо меньше.

Ему было кисло от показухи бобронавтов, но и очень хотелось как-то рассказать другим людям о внутреннем, лучшем Лео – только не так, как бобронавты, а как-нибудь иначе, чтобы взрослое не стало детским и глупым. Но у него не получалось. Внутренний Лео уходил на дно, как только к нему приближались слова. Или вытекал из них, как вода из сита.

Лео подозревал, что у него просто нет человека, подходящего для таких разговоров. В школе было несколько чудил, которые говорили и вели себя так, будто они мудрые старички, живущие в шкуре подростков, но Лео не любил выпендрей и не общался с ними. От их понтов у него кружилась голова. Друзей у него было много, но в разговорах с ними внешний Лео всегда лез вперед, выдавая себя за внутреннего, и внутренний не успевал опомниться. Лео даже думал – может, в каждом из них тоже сидит кто-то внутренний и тоже не может пробиться и поэтому все они кажутся такими дураками?

Но думать так было обидно, потому что тогда получалось, что все люди друг друга вообще не знают и думают обо всех неправильно. Вот если бы «внутренним людям» можно было бы общаться напрямую, выключая наглых «внешних», чтобы не лезли, когда не надо...

* * *

В одну из первых своих попыток напиться (не до отключки, но все-таки) Лео кое-что узнал.

Как раз перед тем он видел во дворе кошачий хвост и попу, выглядывающие из-за дерева. Пушистые такие, няшные, в зеленой травке. И впервые в жизни решил сфоткать и запостить котика. Котище эффектно так разлегся, вальяжно, как они умеют, и Лео тихонько подобрался к нему, чтобы не спугнуть. И когда увидел его целиком, громко матюкнулся.

Котик был безглазый и весь в муравьях.

Матюк услышала Стелла Запажная:

– Ты чё?

– Кот сдох, – объяснил Лео и снова матюкнулся зачем-то, хоть уже и не хотелось.

– Какой кот?

– Не знаю. Вот валяется...

– Ну и чё прикольного? Я, когда живые, больше люблю.

Они тогда отрывались всей компанией у одного парня. Почему-то Лео было тоскливо, хоть на луну вой. Девчонки ставили одну за другой песни, которые, может, в другое время и сошли бы, а тогда прямо нервы кипели от них, и от ржача, и от фальшивых улыбок, и от всего, что там было. И вот этот кот, няшный с попы и дохлый с головы, засел у Лео где-то в нервах и вонял там – с каждой песней все сильнее.

– Ты чё-о-о? – взвыло несколько глоток, когда Лео выключил «Ты меня бум-бум, я тебя цём-цём...» и включил «Родину-Бобродину». – Это неприкольно!

Пара голов закачалась в такт «Родине», но Мотыка Тыдыщ подсел к ноуту, и из колонок снова полез «бум-бум».

– Э-э-эй! – В глазах у Лео вдруг потемнело. – А ну включил обратно!

– Ты в неадеквате? Кому тут надо твое это?

Внешний Лео рванул на помощь внутреннему и заматерился так, что внутренний обалдел. Кто-то говорил про него – «колбасит», «развезло», а вокруг стоял ржач, всеобщий горластый ржач, и внутренний Лео хватался за свою внутреннюю голову и задыхался от стыда, но ничего не мог сделать с внешним, и уже в лицо и в грудь ему лупилось что-то похожее на кулаки, а за руки держали чьи-то другие руки и тащили куда-то, куда Лео не хотел тащиться.

– Пойдем, а? – гудел знакомый голос. – Не поймут они, а? Пойдем, брат. – И Лео брел куда-то, где не было кулаков и ржача.

Его вел Дося Черныш, тихий бобронавт из тех, кто всегда носил хвост, даже в спортзале. Лео не любил Досю, считал его бобриность показухой, но сейчас было не до того.

– Вэ-а-а-а! – ревел он на кухне, размазывая кровь и слезы, и говорил что-то Досе... а может, и не Досе, а неизвестно кому, и Дося просто попался под руку.

– Ты это, – утешал Дося Лео, – ты не думай, а? Они мелкие еще, тупые. Разве они понимают «Бобродину»? Это всё вреднюки!

– Чьи? – недоверчиво спрашивал Лео. – Осландские?

– И осландские, и мировые тоже.

– Что, и Тыдыщ вреднюк?

– Да не Тыдыщ вреднюк, – терпеливо объяснял ему Дося, – а просто... вреднюки нам это внушают, чтобы всех растлевать, понял? Они растлевают нашу молодежь в полном отпаде от родовых корней! Чтобы мы забыли, кто мы, и не подняли бобринога взора. Понял? И получается, что нас растлевают этой попсой, а мы ее хаваем и растлеваемся, потому как она нам чужая и там одна бездуховность в ней, понял?

Лео не понимал, почему «бум-бум» чужой, если это отечественный лаунж-панк, и почему Дося добровольно растлеваются вместе со всеми. Но ему было все равно. Он не знал, кто в нем говорит – внешний или внутренний Лео, и просто вываливал Досе все подряд, и оно лезло из него легко, как из полного мешка.

– А знаешь что? – сказал Дося, когда Лео выдохся. – Я понимаю тебя, брат. Реально понимаю, сто пудов.

Дося был непривычно серьезен, и Лео притих.

– Это внешнее, или как его там... Да, ты прав, оно все загораживает. Я вот тоже реально не такой, какой с тобой тут треплюсь. И Тыдыщ не такой, и все. Ты прав. А не прав ты в том, что внутренние души не могут общаться, чтобы внешние не загораживали. Могут. Вот прям как ты говоришь – душа в душу и чтобы все понимать. Но это только в одном случае...

– В каком?

– Если их повяжет общая идея. Великая идея. Бобрая Идея. Тогда они ее все вместе переживают, и получается, что они как братья или даже еще ближе. Мы, когда поем ту же «Бобродину» или «Мы вам еще покажем», знаешь... – Дося сладко зажмурился. – И ты тогда как мысли читаешь и чувства тоже, и мы все как одно целое. Я не могу это словами... Вступай в бобронавты – поймешь сам.

* * *

Так Лео стал бобронавтом.

Ему по-прежнему не нравилась показуха, и эти марши по бульвару Самопожертвования, и эти крики на весь Боброполь, которые назывались пением, и хвост он носил только в школе и на мероприятиях... но Лео честно старался быть как все и ждал этого волшебного единения, которое их бобровод Валидуб назвал эгрегором, – «когда много *я* становятся единым *мы*».

Лео ощущал, и очень ясно ощущал, такой эгрегор: когда все впускают в себя высоту Боброго Дела и чувствуют, что они на стороне света, а свет – на их стороне, и вместе они сила, и пусть враги лязгают зубами, потому что...

Он даже всхлипывал, представляя себе такое единение, против которого (он понимал это) – против которого бессилён любой враг и любое зло. И еще он понимал, что всем героям всех историй не хватало именно такого единения, и поэтому они все гибли, и добро торжествовало только морально, а этого Лео всегда было мало, отчаянно мало. Добро должно торжествовать так, чтобы... чтобы и атома от врагов не осталось! А из наших чтобы никто не умер и все были счастливы. Все-все до единого, и на меньшее Лео был не согласен.

Он знал, что это детские мысли, но чувства в них вливались совсем не детские – острые и высокие, как флагшток, даже голова кружилась от них. И это он тоже знал совершенно точно.

Но у бобронавтов не было ничего подобного. Лео боялся себе это проговорить, пока наконец не устал увиливать от внутреннего Лео и не признал: бобронавты отличаются от любой тупой тусовки только тем, что приспособили себе Бобрую Идею, которая шла им как лифчик носорогу.

Все свои надежды Лео возлагал теперь на боевую бобродружину, куда мог вступить, когда ему стукнет восемнадцать. Но и в дружине было все то же самое, и военная форма не приближала эгрегор, а только отдаляла его в какую-то совсем уж дальнюю даль. Лео вообще не представлял, как эгрегор сочетается с командами и с «так точно».

А может, он просто устал от этого лета, самого дурацкого лета в его жизни, набитого экзаменами, ночным висением в гугле и непонятками с мамой.

* * *

Раньше она не мешала его бобриной жизни, но и не вникала в нее (а Лео иногда хотелось, чтобы эгрегор начинался с мамы). Она не поддерживала и отца – Лео смутно помнил, как они ругались и мама кричала: «Всю семью угробить хочешь?»

Одной из причин, толкнувших Лео в бобронавты, был стыд за Авву Дворского, вреднюка и провокача. Лео знал, конечно, что тот искренне заблуждался, но не мог осмыслить – как отец, такой умный и образованный человек, не понимал, что восставать против Боброго Дела плохо? Ведь это так просто, даже маленькие дети понимают. И в школе учителя всегда косо поглядывали на Лео и только в старших классах, когда тот пошел в бобронавты, стали улыбаться ему и здороваться за руку.

Он никогда не говорил об этом с мамой, но думал, что ей тоже стыдно за отца и она стесняется говорить о нем. И еще Лео думал, что мама будет рада сыну-дружиннику...

Но маму как подменили.

– Не лезь! Это тебе не игрушки, как в школе! – отчитывала она его.

– Какие игрушки? – изумлялся Лео. – Это же Боброе Дело!

Мама кривилась и говорила дикие вещи:

– Будет война – первым попадешь под удар. Не лезь! Твой отец тоже всюду лез и...

– Какое «тоже»? Как можно нас сравнивать, ма?

– Он – твой отец...

– И что еще за война? Кто на нас нападет-то? Боброплемя самое сильное на планете!

– Почему обязательно «на нас»... – бормотала мама.

– А как тогда?.. Ну что ты несешь, мам, сама подумай! Бобры никогда не нападали и не нападут! Это наша родовая сущность! Сильные не нападают, а защищают слабых и невиновных! Ты же все это в школе проходила, ма, ну как с иностранкой какой-то говорю, честное слово...

Лео чувствовал себя скверно, будто ему пришлось высаживать маму на горшок или кормить ее с ложечки.

* * *

Первое задание студент и дружинник Леонард Дворский получил в ноябре. Задание было совсем простым: его отряд помогал охранять очередной митинг. Лео волновался, но боевое крещение прошло мирно, как он это и внушал маме, и теперь ей было нечем крыть.

Он впервые видел столько людей, отринувших Боброе Дело. Лео не знал, что их так много. У митингующих были совершенно обыкновенные лица, торчавшие из обыкновенных капюшонов и воротников. Дружинник Дворский искал в них печать мировой опасности и не находил ее. Он знал, что потом, после митинга, кого-то из них брали настоящие боброкопы, и не понимал, что ему думать – то ли завидовать профи, умеющим распознать эту печать, то ли...

Сочувствовать вреднюкам и провокачам – это было бы совсем странно, но Лео почему-то относился к ним как к больным, из которых надо повыгонять инфекцию, и они снова станут здоровыми и безопасными.

И вообще ему стало казаться, что люди ничем особенным не отличаются друг от друга. Как это и почему, он не мог объяснить даже самому себе. Ведь ясно, что кто-то умный, кто-то дурак, кто-то добрый, кто-то злой, но дело было совсем не в этом. Умом Лео понимал, что враги отличаются чем-то, чего не видно глазами, но это-то его и смущало...

Как бы там ни было, разочарование усиливалось, и Лео оставался дружинником Дворским только для того, чтобы держать марку перед мамой. Неизвестно, сколько бы он еще кис на митингах, если бы на одном из них все-таки не возникла непредвиденная ситуация, как это называлось в уставе дружины.

Лео не понял, как и почему она возникла. И потом, когда читал и смотрел новости, тоже ничего не понял. Из них выходило, будто такие ситуации повторялись все время, а Лео знал, что она была впервые. Для него это выглядело так: вдруг на ровном месте кто-то начал кричать, и этот крик запустил какой-то механизм, от которого люди, стоявшие спокойно, забегали, завертелись, и за считанные минуты все превратилось из митинга в панику, которой ни в коем случае нельзя было допустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.